

Шахматов Алексей Александрович

К истории звуков русского языка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А47

А47 **Алексей Александрович Ш.**
К истории звуков русского языка / Шахматов Алексей Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 214 с.

ISBN 978-5-521-30726-5

ISBN 978-5-521-30726-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

гласную, явившуюся въ результатѣ сокращенія слоговой гласной *o* или *e*). Индоевропейское неслоговое ирраціональное α , т. е. гласная, имѣвшая количество меньшее, сравнительно съ количествомъ другихъ краткихъ гласныхъ, измѣнилось въ литовско-славянскомъ языкѣ въ неслоговое ирраціональное *i* (т. е. $\dot{i}$), а при извѣстныхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ согласныхъ, въ неслоговое ирраціональное *u* (т. е. $\dot{u}$). Существовавшее въ рѣдкихъ впрочемъ случаяхъ индоевропейское $\gamma\alpha$ (результатъ сокращенія *re* или *ro*) измѣнялось въ литовско-славянскомъ въ $\gamma\dot{u}$, откуда литовское *ri*: ср. литовское *bridau*, *bristi* и старослав. **непрѣрьдомъ**, словацк. *brdnuti*. Что же касается индоевропейскихъ сочетаній $\alpha\gamma$, αl (αn , αm) передъ гласными, то они въ литовско-славянскомъ языкѣ переходили въ слоговые, хотя и ирраціональные, *i*, *u* (т. е. $\dot{i}$, $\dot{u}$) $\rightarrow$ *r*, *l* (*n*, *m*): ср. старослав. **мърж**, литовск. *miŕiau*. То же въ существенныхъ чертахъ высказано Фортунатовымъ въ статьѣ «Индоевропейскія плавныя согласныя въ древне-индійскомъ языкѣ», помѣщенной въ сборникѣ *Χριστιαν* (М. 1896), по здѣсь онъ вноситъ въ прежнее свое мнѣніе ту поправку, что допускаетъ слоговыя плавныя для индоевропейской эпохи и передъ гласными, при чемъ передъ ними ирраціональное α было неслововымъ, а за ними развивались плавныя и носовыя согласныя неполнаго образованія: $\gamma\alpha\dot{r}'\acute{a}t\acute{i}$. Кроме того, Фортунатовъ предполагаетъ существованіе въ индоевропейскомъ ирязыкѣ слогового ирраціональнаго α въ сочетаніи съ несонорными согласными (т. е. не съ плавными и носовыми), напр. въ такихъ случаяхъ, какъ *katur-*, *azdhi* (греч. *πίσυρες*, *ἰσθι*). «Въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ, слѣдовательно, надо думать, еще въ балтійско-славянскую эпоху, — замѣчаетъ Фортунатовъ, — индоевроп. α слоговое и α совпали вообще по качеству звука, т. е. въ балтійскихъ языкахъ изъ α слогового, какъ и изъ α , мы находимъ *i* и *u*, а въ славянскихъ общеславянскія *ь* и *ъ* съ ихъ фонетическими измѣненіями...»¹⁾.

1) *Χριστιαν*, стр. 487.

Мнѣ кажется, что подобное совпаденіе слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что α ($=i$) стало слоговымъ еще въ балтійско-славянскую эпоху, при чемъ такое измѣненіе его звука зависѣло отъ перехода слѣдовавшихъ за нимъ слоговыхъ плавныхъ и носовыхъ въ неслоговые. Подтвержденіе этому я вижу не только въ литовскихъ дифтонгическихкихъ сочетаніяхъ *ir*, *il*, *in*, *it*, вторая часть которыхъ неслоговалъ, но и въ общеславянскомъ измѣненіи тѣхъ сочетаній, которыя восходятъ къ индоевропейскимъ αr , αn : а именно, по крайней мѣрѣ подъ удареніемъ, мы находимъ на мѣстѣ ихъ носовое *e* (ср. десять, мати); врядъ ли можно было бы ожидать подобнаго измѣненія этихъ сочетаній, если бы въ нихъ не произошло предварительно потери слогового свойства носовыхъ. Отмѣчу кромѣ того, что допускаемый Фортунатовымъ переходъ αr , αn передъ гласными въ *in*, *it*, даетъ полное основаніе предположить такой же переходъ передъ согласными еще въ балтійско-славянскую эпоху. Упомяну наконецъ и о томъ, что дружныя показанія славянскихъ языковъ сводятся къ тому, что въ случаяхъ какъ *рыцн*, **брыжти* въ общеславянскомъ *r* было неслоговымъ, между тѣмъ какъ въ индоевропейскую эпоху оно было здѣсь слоговымъ. И такъ, во-первыхъ, совпаденіе α и α , возводимое Фортунатовымъ къ балтійско-славянской эпохѣ, во-вторыхъ, переходъ первоначальныхъ αr , αn въ носовыя гласныя въ общеславянскую эпоху, въ третьихъ, показанія литовскаго языка —убѣждаютъ меня въ томъ, что еще въ балтійско-славянскую эпоху индоевропейскія αr , αl передъ согласными измѣнились въ *ir* (*ur*), *il* (*ul*). Въ этихъ сочетаніяхъ *r*, *l* были получены балтійско-славянскимъ языкомъ долгими тамъ, гдѣ *r*, *l* были долги въ индоевропейскомъ языкѣ; но и краткія *r*, *l* (изъ индоевропейскихъ краткихъ *r*, *l*) удлинены въ балтійско-славянскую эпоху по тому общему закону, указанному Фортунатовымъ, по которому удлинены передъ согласными *r*, *l*, *n*, *m* всякаго происхожденія (см. ниже): лит.-слав. *tīrt*, *tuīt*, *tīlt*, *tuīt*; при этомъ дифтонгическое сочетаніе *ir* изъ индоевроп. αr имѣло другую долготу, чѣмъ *ir* изъ индоевроп. αr . Если высказанное

здѣсь предположеніе объ измѣненіи индоевроп. *ǵr*, *ǵl* въ балтійско-славянскія *ir*, *il* правильно, то какъ же объяснить себѣ появленіе дифтонгическихъ сочетаній *yr*, *yl* въ общеславянскомъ языкѣ? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, замѣчу что отдѣльные славянскіе языки предполагаютъ именно *tyrt*, *tylt*, а не *tyrt*, *tylt*: въ русскомъ языкѣ **tyrt*, **tylt* съ долгими *r*, *l* (ср. выше) перешли бы въ *tyrt*, *tylt*, какъ *tert*, *tort*, *tolt* (съ долгими *r*, *l*) перешли здѣсь въ *teret*, *torot*, *toĭot*; въ западно-славянскихъ языкахъ *yr*, *yl* имѣютъ другую судьбу, чѣмъ *ry*, *ly*, — и это можно объяснить только тѣмъ, что въ сочетаніяхъ *yr*, *yl* *r* и *l* были слоговыми (ср. древнечешск. *slza* — одинъ слогъ, при *plno* — два слога); указаніе же на то, что *y*, *z* передъ *r*, *l* были въ общеславянскомъ языкѣ неслоговыми, дается между прочимъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ славянскіе языки доказываютъ односложность, а не двусложность сочетаній *yr*, *yl*, *tyr*.

Переходъ балтійско-славянскихъ *ir*, *il*, *ur*, *ul* въ общеслав. *yr*, *yl*, *tyr*, *tyl* стоитъ, какъ мнѣ кажется, въ прямой связи съ тѣми измѣненіями, которымъ подверглись въ общеславянскомъ языкѣ звуки *i* и *ü*. Въ общеславянскомъ языкѣ эти звуки были болѣе закрыты въ положеніи передъ слѣдующимъ неслоговымъ *i* (*i*), менѣе закрыты во всякомъ другомъ положеніи; болѣе закрыты *i* и *ü* восходили какъ къ краткимъ *i*, *u*, такъ и къ долгимъ, очевидно сокращавшимся передъ *i*; кромѣ того *i* закрытое являлось въ результатѣ измѣненія *e* передъ *i* (ср. праслав. *bido*, *mujo*, *triĭe*, *rotiĭe* съ закрытыми *i* и *u*); болѣе открытыя общеславянскія *i* и *ü* восходили къ балтійско-славянскимъ *i* и *ü*. Въ извѣстную эпоху жизни общеславянскаго языка произошелъ переходъ болѣе открытыхъ *i* и *ü* въ звуки, передававшіеся въ кирилловскомъ алфавитѣ буквами *ь* и *ѣ*, а также переходъ болѣе закрытыхъ *i* и *ü* въ звуки, передававшіеся въ старославянской письменности большею частью буквами *и*, *ы* (рѣже *ь* и *ѣ*), но отличавшіеся отъ *ь* и *ѣ* изъ *i* и *ü* (болѣе открытыхъ), повидимому, закрытостью звука. Переходъ *i* и *ü* въ *ь* и *ѣ* долженъ быть признанъ редукціей этихъ звуковъ, т. е. измѣненіемъ въ звуки не-

полнаго образованія (ср. у Sievers, *Phonetik*⁴, §§ 263, 264 и 473). Онъ былъ вызванъ, какъ кажется, стремленіемъ общеславянскаго языка произносить всѣ краткія гласныя открыто. Подобное стремленіе было свойственно не одному этому языку: такъ въ прароманскую эпоху всѣ долгія гласныя стали произноситься закрыто, а всѣ краткія гласныя открыто (Meyer-Lübke, *Einführung in das Studium der roman. Sprachwissenschaft*, § 84). Въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ наблюдалось впослѣдствіе подобное же стремленіе: такъ въ словенскомъ языкѣ, въ большей части сего говорѣ, безъ измѣненія остаются только краткія открытыя гласныя *a*, *o*, *e*, между тѣмъ какъ закрытыя — *i*, *u*, *e* и *o* закрытыя (замѣнявшія открытыя *e*, *o* при извѣстныхъ фонетическихкихъ условіяхъ), *e* закрытое изъ *ъ* подверглись, какъ и въ общеславянскомъ, редуціи. Стремленіе произносить краткія гласныя открыто имѣло въ общеславянскомъ и словенскомъ языкахъ слѣдствіемъ вытѣсненіе въ краткихъ слогахъ звуковъ *i*, *u* полнаго образованія, замѣну ихъ гласными неполнаго образованія, т. е. редуцію этихъ звуковъ. Въ другомъ мѣстѣ я предполагаю подробнѣе остановиться на относящихся сюда явленіяхъ словенскаго языка; здѣсь же ограничусь указаніемъ на тожество ихъ съ явленіями общеславянскими. Въ результатѣ редуціи *i*, *u*, *e*, *o* закрытыхъ, слова *stre'ľiti*, *gre'ľiti*, *se'nǝ*, *rudětise*, *kóžul* звучатъ въ словенскомъ *strělitъ*, *grěšitъ*, *сьно*, *гъдетьсе*, *кожь* (такъ передаетъ ихъ напр. Метелко); *posúli*, *ľúbica*, *jisprovédala*, *Iěžuš* и т. д. звучатъ *posulъ*, *ľjubъса*, *jъspovedova*, *Iěžъš* (такъ передаетъ ихъ Валявецъ въ своихъ записяхъ изъ горескихъ говорѣ). Равнымъ образомъ, въ результатѣ редуціи *i*, *u*, слова *dīnī*, *sūnū*, *tīma*, *vedetī*, *mŭnogŭ* стали звучать въ общеславянскомъ языкѣ *днь*, *сьнъ*, *тьма*, *vedetъ*, *мъногъ* и т. п. Тогда какъ болѣе открытыя *i*, *u*, редуцируясь, переходили въ общеславянскомъ языкѣ въ *ъ*, *з*, менѣе открытыя *i*, *u* переходили въ *ь*¹, *ъ*¹, т. е. въ болѣе закрытыя отгѣнки тѣхъ же звуковъ (отсюда при извѣстныхъ условіяхъ въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ *i* и *u*): *mŭjǝ*, *bŭjǝ*, *kolijǝ* перешли въ *мъ'jǝ*, *бъ'jǝ*, *коль'jǝ*, ср.

сербск. мѣѣм, бѣѣм, кѣѣ, великорусск. мою, бую, колья, малор. мѣю, бѣю, кѣля. Редуцированныя гласныя *ѣ, ѥ* открытыя и закрытыя въ количественномъ отношеніи были или кратки, или короче краткихъ; эти послѣдніе звуки я буду называть полукраткими (ср. терминъ *Halbkürze* у Сиверса, *Phonetik*⁴ § 644b; Фортунатовъ называетъ ихъ ирраціональными); я обозначу ихъ въ этой статьѣ буквами *ѣ̣, ѥ̣, ѣ̣¹, ѥ̣¹*. Краткими редуцированныя гласныя были въ общеславянскомъ языкѣ: а) подъ удареніемъ въ начальномъ слогѣ слова: *dъskъ* вып. ед. (дѣску), *tъšca* (тѣща), *mъjъq* (мою), *šъja* (шѣя); б) передъ слогомъ съ полукраткою редуцированою гласною: *krъsъnъ* (кръсен), *brъtъsъ* (брътец), *sъnъmъ* (сыномъ) и т. п.; в) передъ слѣдующимъ *ѣ* (замѣнявшимъ *ј* въ положеніи передъ ударяемою гласною): *ръjъq*, *кольjъdъ*. Полукраткими редуцированныя гласныя были во всякомъ иномъ положеніи: *bratъ*, *съnъ*, *рѣbъjъtъ* (сербск. *пѣбиjъ*, древнерусск. *пѣбъеть*), *въzъmъtъ* (древнерусское *възъмуть*) и т. п.

Но въ положеніи передъ *r, l* съ слѣдующею согласною *ѣ, ѥ*, редуцируясь и вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивая отчасти свою сонорность, переходили въ очень краткія *ѣ̣, ѥ̣*, вслѣдствіе того, что слѣдующія за ними плавныя становились сонантами, переходили въ слоговыя *r, l*; эти очень краткія *ѣ̣, ѥ̣* теряли даже свой слоговой характеръ, становились неслоговыми звуками (*ѣ̣, ѥ̣*). Такъ измѣнились *virba, virъъ, vilkъ, dilgъ, murgati, gurlo* въ *въrba, въrъъ, въlkъ, dъlgъ, mъrgati, gъrlo*. Аналогію съ указаннымъ измѣненіемъ находимъ въ словенскомъ: здѣсь редукція *і, ѣ̣, ѥ̣* закрытаго (изъ *ъ*) имѣла слѣдствіемъ переходъ *гi, гъ, li, lъ, gъ, lъ* (а также *пi, пъ* и т. д.) въ *г, l (п)*, откуда діалектически *зr, zl*; ср. напр. въ записяхъ Валявца изъ горенскаго говора Преддворскаго прихода: *dêkъlca* вм. *deklica*, *ъkolъ* вм. *nikoli*, *ъlpo* вм. *lepô, prjezdъ* и *ръjъzdu* вм. *prijezdi* и *prijezdil*, *prъu* вм. *prišel*, *ръrъva* вм. *prišla*, *пъč* вм. *nič*, *гmъnъmo* вм. *rumenimu* и т. д. (ср. *Slovenske narodne pesmi, uredil Štrelj*). Различіе общеславянскаго явленія отъ словенскаго состоитъ въ томъ, что въ общеславянскомъ слоговая плавная возникала вслѣдствіе редукціи

предшествующей гласной, тогда какъ въ словенскомъ редукція вызывалась гласною, слѣдующею за павною; другими словами, въ общеславянскомъ становились сонантами только тѣ плавныя, за которыми слѣдовали другія согласныя, т. е. *только домія плавныя* (ср. выше), между тѣмъ какъ въ словенскомъ слоговой характеръ пріобрѣтался плавными и при менѣе благоприятныхъ условіяхъ. Ср. переходъ *тъ, ъ* и т. д. въ *г, і* въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ.

И такъ слоговыя плавныя въ общеславянскомъ языкѣ оказываются новыми по происхожденію: между ними и индоевропейскими слоговыми плавными нѣтъ прямой генетической связи; ихъ отдѣляетъ та посредствующая ступень съ плавными неслоговыми, которая возникла въ балтійско-славянскую эпоху.

Слоговыя плавныя подъ удареніемъ различались такъ же, какъ тѣ дифтонгическія сочетанія, которые они замѣнили: они могли имѣть или восходящее удареніе (когда это удареніе имѣло дифтонгическое сочетаніе, ими замѣненпос, при чемъ въ литовскославскую эпоху здѣсь была длительная, по терминологіи Фортунатова, долготы),—или нисходящее удареніе (когда замѣненное ими дифтонгическое сочетаніе имѣло въ литовскославянскую эпоху прерывистую долготу): *dylgъ* (*longus*), *zъrпо* съ восходящимъ удареніемъ, *dylgъ* (*debitum*), *vykъ*, *vyxъ* съ нисходящимъ удареніемъ, ср. сербск. *дѹг*, *зрѹно* (малор. *зѣрно*), но *дѹг*, *вѹк*, *вѹх*.

Изложивъ исторію возникновенія общеславянскихъ сочетаній *tyrt*, *tylt*, *tyrt*, *tylt*, переходимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ измѣненій, которымъ они подверглись въ южныхъ и западныхъ славянскихъ языкахъ. Это облегчитъ намъ изслѣдованіе исторіи указанныхъ сочетаній въ русскомъ языкѣ.

Необходимо однако предварительно остановиться на вопросѣ, не претерѣли ли какихъ нибудь измѣненій сочетанія *tyrt* и т. д. уже въ общеславянскомъ языкѣ. Думаю, что на него можно отвѣтить отрицательно, такъ какъ врядъ ли допустимо измѣненіе группы *yl* послѣ твердыхъ зубныхъ въ *xl* еще въ общеславян-

скую эпоху, какъ думалъ въ 1889 году Фортунатовъ (Archiv, XI, 571), основываясь на западнославянскомъ ѡu, ѡu. Мы увидимъ ниже, что ѡu должно признать результатомъ измѣненія ѡ, измѣненія являвшагося подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ въ общезападно-славянскомъ языкѣ.

Въ южнославянскихъ языкахъ тѣрт, тѣлт и т. д. перешли, повидимому, сначала въ тѣрт, тѣлт, вслѣдствіе потери плавными въ положеніи передъ согласными ихъ слогового свойства; отсюда тѣрт, тѣлт, тѣлт, тѣрт, въ силу того общаго закона, что сочетанія гласная + плавная передъ согласной подвергались въ общеюжнославянскую эпоху перестановкѣ (ср. tla, tra изъ tal, tar, člo изъ čol). Но съ теченіемъ времени ѡ, з не только полукраткія, но и краткія (въ случаяхъ какъ kгъуъ) переходили въ южнослав. языкѣ въ неслоговые звуки, въ силу развивавшейся въ предшествующихъ плавныхъ сонантности: vлѣкъ, dлѣгъ, ргъстъ, mлѣва, грѣло, такъ же какъ slѣza, glѣtati, blѣха, krѣстъ, перешли въ vлѣкъ, dлѣгъ, ргъстъ, mлѣва, грѣло, slѣza, glѣtati, blѣха, krѣстъ. Старославянскія влѣкъ, ргъстъ, млѣва, грѣло, слѣза, глѣтати, блѣха, крѣстъ изображаютъ повидимому эти самыя южнославянскія формы¹⁾. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что гѣ, lѣ, но крайней мѣрѣ въ старославянскомъ языкѣ, могли измѣняться діалектически въ гѣ, lѣ; измѣненіе lѣ въ lѣ обуславливалось вліяніемъ предшествующихъ этой группѣ или слѣдующихъ за нею твердыхъ зубныхъ; въ нѣкоторыхъ говорахъ встрѣчался обратный переходъ гѣ, lѣ въ гѣ, lѣ подъ вліяніемъ сосѣднихъ палатальныхъ звуковъ: діалект. старослав. нсплѣнь, влѣхѣ съ старымъ лѣ, при длѣгъ, плѣнь съ новымъ лѣ. Неслоговые з, ѡ исчезли въ отдѣльныхъ южныхъ славянскихъ языкахъ, такъ же какъ исчезли въ нихъ полукраткія з, ѡ, ѡ¹, измѣнившись предварительно, какъ кажется, въ неслоговые звуки: ргъста, krѣстъ, vлѣкъ, перешли въ ргъста, krѣстъ, vлѣк и т. д. Слоговое l въ сербскомъ измѣнилось въ большей части говоровъ въ ѡl, откуда ѡ и далѣе u (ср. Ягичъ, Zur Frage über den Uebergang des silben-

1) Ср. Щепкинъ, Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги, с. 221.

bildenden *l* in *u*, Archiv IV, 386 и сл.); въ словенскомъ *l* въ долгихъ слогахъ переходило діалектически въ *ol*, откуда *оц*, между тѣмъ какъ въ краткихъ прямо въ *u* (ср. Облакъ, Zum silbenbildenden *l* im Slavischen, Archiv XVI, 203). Ср. сербск. прѣст, врѣх, дрѣжати, крѣстити, крѣв, крѣвѣв, сѣнце, дѣг, вѣк, сѣза; словенск. krt, krtst, drn, držati, mōcža, mōcžiti, dōug, dōugā (долгъ) и т. д.

Въ общезападнославянскую эпоху слоговыя *r*, *l*¹⁾ въ сочетаніяхъ *ѣг*, *ѣл* и т. д. подверглись лабиализаціи или палатализаціи, подобно тому какъ подобнымъ же измѣненіямъ подвергались всѣ вообще согласныя. Палатализація и лабиализація согласныхъ несонантныхъ зависѣла отъ качества слѣдующей гласной: палатализація вызывалась гласными *i*, *ѣ*, *ь*, *e*, *е*, лабиализація гласными *o*, *ѡ*, *u*, *ѡ*, *у*. Сходныя измѣненія сонантовъ *г*, *л* происходили подъ вліяніемъ какъ слѣдовавшихъ за ними согласныхъ, такъ и предшествующихъ неслоговыхъ звуковъ: *ѣг*, *ѣл* получали лабиализованныя *г*, *л* (откуда *л*), независимо отъ качества слѣдующаго звука: *мѣлѣва*, *тѣргѣ*; *ѣг*, *ѣл* получали вообще палатализованныя *г*, *л*: *вѣг'хъ*, *рѣг'st'снѣ*, *вѣл'кѣ*; но лабиализація ихъ въ сочетаніяхъ *ѣг*, *ѣл* вызывалась лабиализованною (твёрдою) зубной слѣдующаго слога: *зѣгно*, *рѣлпѣ*; *вѣролпѣ*, *ѣ* передъ лабиализованными *г*, *л* измѣнялось подъ вліяніемъ ихъ въ *ѣ*: *зѣгно*, *рѣлпѣ*. Еще въ общезападнославянскую эпоху полукраткія *ѡ*, *ѡ* измѣнились въ неслоговыя *ѡ*, *ѡ*: *сѣна*, *тѣма*, *bratѣ* перешли въ *сѣна*, *тѣма*, *bratѣ*; затѣмъ въ ту же эпоху произошло отпаденіе и выпаденіе неслоговыхъ *ѡ*, *ѡ*: *сна*, *тѣма*, *brat*. Одновременно и по той же причинѣ *мѣлѣва*, *тѣргѣ*, *вѣг'хъ*, *вѣл'кѣ*, *зѣгно*, *рѣлпѣ* перешли въ *мѣлѣва*, *трг*, *вѣ'хъ*, *вѣл'кѣ*, *згно*, *рлп*. Дальнѣйшее измѣненіе *г*, *л* слоговыхъ принадлежало жизни отдѣльныхъ западославянскихъ языковъ. Въ польскомъ *г* лабиализованное измѣнялась въ *ar* (*martwy*, *czarny*, *kark*)²⁾, *г* палатализированное въ *ir*¹, откуда

1) Звукъ *l* въ этихъ сочетаніяхъ, какъ вообще передъ согласными и непалатальными гласными, еще въ общеслав. языкѣ отличался отъ звука *l* передъ палатальными гласными.

2) Въ *ar* находимъ 'ar подъ вліяніемъ 'er': *ziarno* подъ вліяніемъ *ziernisty и т. п.

позже 'er и 'erz (wierzch, pierścień, pierwszy, czerw); ʔ послѣ лабиализованныхъ зубныхъ переходило въ ʔu, рѣже въ ʔo (dług, dłubać, tłusty, słońce), послѣ губныхъ, гортанныхъ и смягченныхъ зубныхъ—въ eʔ, oʔ (откуда óʔ: pełny, *pełk, wełna, zgiełk, żółty); ʔ¹ измѣнялось въ il (milczeć, wilk). Въ нижнелужицкомъ ʔ лабиализованное переходило въ ar (sarna, cart, twardy, chart, g, k передъ этимъ a смягчаются: gjardy, kjarcma)¹⁾; ʔ палатализованное въ er (serp, wjerch, pjerwy, serw', śerń); ʔ послѣ лабиализованныхъ зубныхъ переходило въ ʔu, ʔy (słup, tłuc, dług, tłusty, słyńco), послѣ губныхъ и смягченныхъ зубныхъ—въ oʔ (półny, sołn, żółty), ʔ¹ измѣнялось въ el (wjelk, pjelniś). Въ верхнелужицкомъ ʔ лабиализованное переходило въ or (mogwy, sogna, čogny, horšč, khort); ʔ палатализованное—въ eʔ (откуда при извѣстныхъ условіяхъ er: wjerch, wjerba, čerpjeć, pjerścień); ʔ oo *осакомъ положеніи* измѣнялось въ oʔ (połk, hołk, čołm, tołsty, dołhi); ʔ палатальное — въ el (wjelk, mjelceć). Въ чешско-словацкомъ ʔ лабиализованное и палатализованное совпали въ ʔ твердомъ (vrch, vrtěti, drn, držeti), но послѣ ž и č является er (černý, žerd', žernov); ʔ и ʔ¹ сохранялись въ чешско-словацкомъ безъ измѣненія. Но въ чешскомъ ʔ перешло въ lu (mluv, pluk, hluk, člun, slunce, dlouhý, tlustý), а ʔ¹ измѣнилось въ ʔ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ вытѣснило ʔ = lu (vlk, mlčeti; plný подъ вліяніемъ plně, plniti); въ словацкомъ ʔ послѣ губныхъ и гортанныхъ перешло въ ʔu (pľuk, mľuva, hľučný), ʔ¹ измѣнилось въ ʔ (vľk, pľuň).

Такимъ образомъ западославянскіе языки указываютъ именно на тѣ звуки, которые возстановляетъ для общеславянской эпохи Бодуэнъ-де-Куртенэ²⁾, т. е. твердые и палатализованныя слоговыя плавныя. Но я не рѣшился бы возводить эти звуки далѣе эпохи общезападнославянскаго единства: не говоря

1) Вм. ar находимъ er подъ вліяніемъ er': zerno, dern, pjerd.

2) Напр. въ недавнее время онъ изложилъ свой взглядъ на разсматриваемыя звуковыя сочетанія въ *Encykl. Powsz.*, въ статьяхъ *Fonologja* (*fonetyka arjoeuropejska* и *Fonologja* (*fonetyka*) *słowiańska*.

уже о томъ, что старославянскія рѣ, рь, лѣ, ль нельзя считать выраженіемъ однихъ слоговыхъ плавныхъ, которыя, разумѣется, могли бы писаться и ѣр, ѣр, я думаю, что ни общеславянская, ни индоевропейская фонетика не допускали въ числѣ своихъ звуковъ палатальныхъ слоговыхъ. Въ общеславянскомъ языкѣ гортанныя *g, k, x* измѣнялись передъ палатальными гласными въ *ž, č, š*: западнослав. *čerw¹* Бодуэнъ-де-Куртенэ имѣетъ возможность возвести къ общеслав. *čr¹vъ* изъ *kr¹vъ*. Но какъ объяснить отъ западнославянское *čřp*? Если и въ общеславянскомъ было *čřpъ* съ твердымъ *ř*, откуда *č*? Если же *čřpъ* въ общеславянскомъ языкѣ имѣло палатальное *ř*, то почему оно отвердѣло въ западнославянскихъ языкахъ? Съ другой стороны, какъ понять съ точки зрѣнія почтеннаго слависта польское *czołg, czołgać się* (ползать)? Слоговое *ř* должно бы признать здѣсь для общеславянскаго языка мягкимъ какъ въ виду *č*, такъ и въ силу его положенія передъ гортаннымъ (ср. *wilk, milczec*); между тѣмъ въ польскомъ находимъ *ř*. Гдѣ же критерій для различенія твердыхъ и палатальныхъ плавныхъ въ общеславянскомъ языкѣ? Думаю, что опредѣлить условія твердости или палатальности слоговыхъ плавныхъ въ индоевропейскомъ или общеславянскомъ языкѣ невозможно. Напротивъ, эти условія совершенно ясны въ западнославянскихъ языкахъ: *ř*, какъ мы видѣли, всегда замѣняетъ общеславянское сочетание *řl*; оно является также на мѣстѣ *řl* въ положеніи послѣ смягченныхъ зубныхъ, измѣнявшихъ въ западнославянскихъ языкахъ *e* въ *ö* (откуда *o*), а слѣдовательно и *ь* въ *ü*; и такъ *ř* на мѣстѣ *řl* и *üřl* (съ слоговымъ *ü*); напротивъ, *ř¹* замѣняетъ вообще *řl*, вмѣсто него только передъ твердыми зубными находимъ *ř*. Вліяніе твердыхъ зубныхъ на измѣненіе *ř¹* въ *ř* однородно съ вліяніемъ ихъ на измѣненіе предшествующихъ имъ *e* въ *ö* = *o*, *ь* изъ *ь* въ *a* въ польскомъ языкѣ и объясняется выше указаннымъ свойствомъ этихъ зубныхъ — ихъ лабиализованностью. Врядъ ли можно возводить лабиализованность западнославянскихъ зубныхъ къ общеславянской эпохѣ; если же сопоставимъ, съ одной стороны, польск.